

СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В ЯЗЫКАХ
РАЗНОЙ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Л. Т. Калабекова

В статье показывается, что в качестве ключевого семантического признака категории вида в языках разной типологической отнесенности целесообразно рассматривать абстрагированное значение целостности/процессности глагольного действия. Именно этот признак дает основание для сопоставления аспектологических возможностей разнотипных языков (в нашем случае французского, русского, осетинского). Сравнительно-типологические разыскания, проводимые как в рамках близкородственных языков, так и на уровне языков неродственных, вскрывают тот неопровержимый факт, что в основе всех расхождений (лексической, семантической и синтаксической природы) лежат в первую очередь системные особенности любого отдельно взятого естественного языка. Иллюстрацией сказанному могут служить некоторые расхождения между французской, русской и осетинской лингвосистемами, проявляющиеся в способности упомянутых языковых культур выразить разнообразные аспектуальные смыслы. Для типологических исследований аспектологического порядка немаловажным становится выявление общих параметров, позволяющих соотносить содержательную сторону исследуемых систем в рамках обозначенной проблематики. Так, в частности, представляется целесообразным рассматривать абстрагированное значение целостности/процессности действия, в качестве основного семантического признака глагольного вида в языках разной структурной модели (в нашем случае: французском, русском, осетинском). При этом в пределах упомянутой корреляции обнаруживаются более частные семантические смыслы, а именно: длительность/недлительность, законченность/незаконченность процесса. Последний из обозначенных семантических признаков способен включать в свою активность отношение действия к результату, что представляется вполне естественным, так как о результативности мы судим лишь в том случае, если действие завершено. Незавершенное действие не может достичь какого бы то ни было результата. Приведенные значимости видового порядка возникают в речевом потоке вследствие взаимодействия множества средств различных языковых уровней: лексического значения глагольной леммы в совокупности со значением ее грамматической формы и синтаксического окружения. Иначе говоря, в пределах функционально-семантической категории (ФСК) аспектуальности происходит распределение семантических признаков на основной категориальный и периферийные. Регулярность выражения последних, как бы суживается от одного аспектуального признака к другому. Так, например, если длительность свойственна практически любому процессному действию, то далеко не всякое целостное действие является результативным.

Ключевые слова: контрастивный метод, функционально-семантическая категория, глагольная парадигма, аспектуальное значение, смысловая доминанта, грамматический маркер, семантические характеристики.

The article proves the abstract meaning of completeness/duration of verbal action can be considered as the main semantic feature of aspect in the typologically different languages. This feature gives the basis for the comparison of aspectological potential of the languages with different typological structures (in this case — those of French, Russian and Ossetian). Comparative-typological studies, conducted in the terms of closely related languages and unrelated ones, reveal the undeniable fact that the basis of all differences (of lexical, semantic and syntactic nature) are accounted for, first and foremost, by the systemic features of any given natural language. Some differences between the French, Russian and Ossetian linguistic systems manifested in the ability of the reviewed language

cultures can serve as an illustration to the above stated fact to express a variety of aspect meanings. For typological research of aspects it becomes important to identify the common parameters, allowing the correlation of the systems content studied in the framework of the indicated problem. Thus, in particular, it seems appropriate to consider the abstract value of completeness/duration of actions as the main semantic characteristic of the verbal form in the languages of different structural models (in our case: French, Russian and Ossetian). Within the mentioned correlations more specific semantic meanings, namely, duration/continuity, completeness/incompleteness of the process, are found. The last of the semantic characteristics can be included in their activity attitude to the result, which is quite natural, as we judge the effectiveness only in case of completed action. Unfinished action can achieve no result. The given significance of the aspect occurs in the speech stream as a result of interactions between various linguistic levels: the lexical meaning of the verbal lexeme together with the value of its grammatical forms and syntactic environments. In other words, within the functional-semantic category (FSC) of aspectuality is the distribution of semantic features to the main categorical and peripheral ones. It seems like the regularity of expression of the latter is narrowed from one aspect feature to another. For example, if the duration is inherent in almost any process action, not any integral action is effective.

Keywords: *contrastive method, functional-semantic category, verbal paradigm; aspectual meaning; semantic dominant, grammatical marker, semantic features.*

Контрастивный подход к исследованию грамматических категорий в рамках как близкородственных, так и неродственных языков а priori обеспечивается богатым эмпирическим материалом, служащим основанием для лингвистического анализа. В основе современных контрастивных разысканий лежит триединство *человек — язык — культура*. Растет интерес к изучению национальной логики мышления, и выявляются причины в возникновении расхождений между языками посредством изучения и сопоставления их семантических структур в рамках проблемы межъязыковых и межкультурных контактов. Язык рассматривается как форма и способ организации человеческого сознания, высвечивая, таким образом, свою антропологическую сущность, значимость которой в исследованиях по общей лингвистике, в теории и практике перевода вполне очевидна. «Любая общественная наука, — писал по этому поводу В.И. Абаев, — что бы она не изучала, изучает в конечном счете человека, совершенно так же, как любое искусство, что бы оно ни изображало, изображает в конечном

счете человека. Всякая отрасль гуманитарного сектора, из которой выпадает человек, сама выпадает из гуманитарного сектора. Недаром «гуманитарный» происходит от латинского *humanus* «человеческий»» [1, 38].

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания обусловила актуальность лингвистических исследований, посвященных национально-культурному своеобразию отдельно взятого естественного языка. Каждый язык отражает определенное видение мира, неповторимое мироощущение народа, говорящего на этом языке, сегментацию внутреннего и внешнего пространства, представленного отдельными микроструктурами, совокупность которых реализует содержательное строение языка и его целостную семантическую организацию.

Контрастивная лингвистика возникла прежде всего как контрастивная грамматика и продолжает оставаться преимущественно в пределах этой последней. Вместе с тем, если не ограничиваться сравнением лишь грамматических парадигм и грамматических способов импликации категориальных

значений, а сопоставлять также функции и функциональные различия форм, категорий и целостных парадигм в отдельных языках, то сразу же станет понятно, что контрастивная грамматика не может быть только грамматикой в узком смысле этого слова. Преодоление неизбежно возникающих трудностей при сопоставительном изучении разносистемных языков обеспечивается двумя приемами: либо грамматика привлекает к анализу единицы других уровней языка, расширяя таким образом сферу своей активности [2, 71], либо контрастивный метод проецируется на постижение языковых элементов неграмматического порядка, поскольку известно, что сходные или даже идентичные явления в системной организации двух отдельно взятых языков не всегда оказываются в рамках одних и тех же областей структурирования, а именно: то, что в одной языковой системе находит грамматическое воплощение, в другой может выражаться лексически или даже средствами фонетики.

Сравнительно-типологические разыскания, проводимые как в рамках близкородственных языков, так и на уровне языков неродственных, вскрывают тот очевидный факт, что в основе всех расхождений (лексической, семантической или синтаксической природы) лежат, в первую очередь, системные особенности любого отдельно взятого естественного языка. Иллюстрацией сказанному могут служить некоторые расхождения между французской, русской и осетинской лингвосистемами, проявляющиеся в способности упомянутых языковых культур выражать разнообразные аспектуальные смыслы. Для типологических исследований аспектологического порядка немаловажным становится выявление общих параметров, позволяющих соотносить

содержательную сторону исследуемых систем в рамках обозначенной проблематики. Так, в частности, представляется целесообразным рассматривать абстрагированное значение *целостности/процессности* действия, в качестве основного семантического признака глагольного вида в языках разной типологической модели (в нашем случае: французском, русском, осетинском). В пределах упомянутой корреляции обнаруживаются более частные семантические смыслы, а именно: *длительность/не законченность/незаконченность* процесса. При этом последний из приведенных семантических признаков способен включать в свою активность отношение действия к *результату*, что представляется вполне естественным, так как о результативности мы судим лишь в том случае, если действие завершено. Незавершенное действие, не может достичь какого бы то ни было результата.

Приведенные значимости видового порядка, такие как *длительность/недлительность, законченность/незаконченность, отношение действия к результату*, возникают в речевом потоке как следствие взаимодействия множества средств различных языковых уровней: лексического значения глагольной леммы в совокупности со значением ее грамматической формы и синтаксического окружения. Иначе говоря, в пределах функционально-семантической категории (ФСК) аспектуальности происходит распределение семантических признаков на основной категориальный и периферийные. Регулярность выражения последних как бы суживается от одного аспектуального признака к другому. Так, в частности, если длительность свойственна практически любому процессному действию, то далеко не всякое целостное действие

является результативным. При этом автор статьи придерживается мнения, согласно которому единственно видовой оппозицией во французской языковой системе является корреляция времен *Imparfait/Passé simple (Imp/PS)*. Входящие в состав видового противопоставления *Imp/PS* глагольные формы объединены единым семантическим признаком: абстрагированным значением *целостности/процессности* глагольного действия. Правомерность высказанного суждения подтверждает проведенный разбор иллюстративного материала. Обратимся к примерам. В высказывании *Nous passâmes une bonne heure à nous souffler dans le nez* [3, 140] речь идет прежде всего о целостном действии. А во фразе *Les jours passaient* та же глагольная лексема *passer* формулирует действие как процессное. При этом *PS* (первый приведенный пример) обозначает акт совершения целостного, неделимого действия, воспринимаемого нашим сознанием как некий процесс, начальная и финальная стадии которого даны не в последовательном развитии (начало — конец), а в виде чего-то целого и нечленимого. Наличием значения целостности эксплицируются несочетаемые свойства французского перфекта с грамматическими маркерами, характеризующими действие в его непрерывности, процессности. Французский перфект (в отличие от имперфекта) не сочетается (за отдельными исключениями) с обстоятельственными маркерами типа *sans cesse, de plus en plus, sans arrêt, de moins en moins, à mesure que, au fur et à mesure que, plus... plus* и др., выражающими непрерывную длительность. Семантические характеристики *PS* не позволяют ему также сочетаться и с наречием *déjà (=auparavant)*, обозначающим действие, свершившееся до момента речи [4, 254-255]. При

этом французский перфект отдает явное предпочтение лексемам, включающим в свою активность ограниченную длительность процесса: *Le jeu dura toute la journée* (Druon). В то же время, грамматические маркеры типа *peu à peu, de jour en jour, jour par jour, de porte en porte*, а также наречия той же семантической направленности: *progressivement, doucement, graduellement, insensiblement* охотно совмещаются с обеими временными формами. Например: *... de jour en jour, d'heure en heure, la situation se faisait plus menaçante* (Verne); *Peu à peu, une certaine appréhension régna donc dans la ville* (Verne) [5, 71].

Нетрудно заметить, что действия, слагающиеся в результате использования имперфекта и простого перфекта, представлены существенным образом по-разному. В первом случае на фоне имперфекта внимание сосредоточено на самом разворачивании процесса: действие как бы распределяется на часть, уже завершённую, и часть незавершённую, находящуюся в процессе протекания. Во втором — *PS* формирует смысл целостности, неделимости действия [5, 70-72]. А первичная функция *вида*, как известно, есть не что иное, как отображение того, каким образом протекает процесс на временной оси [6, 195]. Приведем классический пример.

Как было уже замечено, во французской лингвокультуре при грамматических маркерах, выражающих ограниченную протяженность процесса типа *pendant la journée, pendant quelques jours, toute la journée, toute la semaine* и др., принято употреблять точечное время [7, 113]. В такого рода контекстах в рамках значения *целостности* реализуется смысл продолжительности действия, ограниченный, однако, определенным временным отрезком. Например: *Cela dura ainsi pendant deux ans; puis, un*

matin, la petite femme mourut... [8, 145]. — *Так тянулось два года. И вот как-то утром бедняжка умерла...* [9, 354]. Исключения составляют случаи, когда речь идет об обычности, повторяемости действия. В подобных ситуациях возможно употребление имперфекта. Например: *Moi, pendant ce temps, j'allais m'asseoir dehors sur la terrasse* [8, 81]. — *А я тем временем выходил на террасу посидеть на воздухе* [9, 315]. Заметим, что русский язык в аналогичных условиях сохраняет, как правило, форму НСВ глагола, так как для русской лингвистической системы никакие внешние временные ограничители не являются определяющими для того, чтобы судить о достижении действием внутреннего предела. В системе русского языка предельность отражает главным образом характер внутреннего протекания процесса и является одним из семантических признаков СВ.

Обращает на себя внимание тот факт, что приведенные грамматические показатели французской лингвокультуры тяготеют к их употреблению при атерминативных глагольных лексемах, при терминативных глаголах использование последних становится недопустимым (не скажешь, например, *Il entra pendant quelques minutes*). Целостность действия при такого рода маркерах отражает не столько достижение какого-то внутреннего предела, сколько внешние условия его протекания, его ограниченность на временной оси.

Безусловно, наряду с уже упомянутыми семантическими характеристиками, в рамках сложного и многогранного значения *целостности/процессности* проявляются и другие более частные аспектуальные смыслы, такие как *начинаемость, интенсивность, однократность, многократность, повторяемость, дистрибутивность, мгновен-*

ность и т.д. В этом случае мы говорим о проявлениях способов глагольного действия (СД), так как все перечисленные аспектуальные смыслы, помимо конкретной словоформы, охватывают всевозможные неглагольные средства языка [10, 44]. Безусловно, приведенная иерархия аспектуальных характеристик становится возможной лишь в рамках функционально-семантического подхода к изучению обозначенной проблематики. Модель построения функционально-семантического поля (ФСП) аспектуальности применительно к языкам разной типологической отнесенности (в нашем случае французскому, русскому и осетинскому) высвечивает целый пласт специфических особенностей, раскрывающихся во всевозможных межъязыковых коллизиях, которые позволяют учесть неодинаковую или не совсем одинаковую функцию видовой категории в трех обозначенных языках, обнаруживая при этом их семантико-функциональные черты сходств и различий.

Несмотря на тот неоспоримый факт, что русская аспектология на сегодняшний день считается одной из наиболее разработанных, исследователи категории глагольного вида русской лингвистической системы до сих пор не приходят к однозначному осмыслению целого ряда принципиально важных проблем. Неодинаковое толкование многих вопросов аспектологического порядка «вводит преподавателей русского языка как неродного в состояние смятения и растерянности» [11, 210]. Не случайно, М. А. Шелякин, в круг научных интересов которого на протяжении многих лет входило исследование вопросов русской аспектологии, предлагал создать научный центр, который бы занимался анализом, существующей аспектологической литературы, а так-

же формированием единой стратегии в изучении видовой категории русского глагола [11, 210]. Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев и вовсе высказываются в пользу создания «особого «аспектологического» словаря русского языка, в котором в едином формате для каждого глагола была бы представлена вся аспектологически релевантная информация: вид, видовая коррелятивность, формальный и семантический тип видовой пары, онтологический потенциал, идиосинкратические особенности употребления видовых форм, а также принадлежность глагола к тому или иному способу действия или, наоборот, возможность образования от него того или иного способа действия». Такой словарь, по мнению исследователей, предоставит «пользователю возможность легко и быстро получить исчерпывающую информацию относительно аспектуальных свойств русских глаголов» [12, 99].

Вопрос о грамматической семантике глагольного вида в русской лингвокультуре остается все еще дискуссионным. Многие исследователи связывают семантический потенциал граммы совершенного вида (СВ) как сильного члена оппозиции СВ/НСВ со значением результата действия. Сторонником такой концепции был С. Карцевский [13, 95]. Схожую позицию встречаем у И. П. Мучника, который выделяет шесть семантических признаков, лежащих в основе формирования аспектуальных значений русского глагола. Среди них: *законченность, длительность, непротяженность, предельность, определенность действия по отношению к существованию во времени, результативность*. При этом в качестве ключевого категориального семантического компонента, лежащего в основе деления глаголов на СВ/НСВ, исследователь

рассматривает признак *результативности/длительности* процесса. Результативность и длительность являются собой, согласно концепции И. П. Мучника, соотносительные грамматические понятия, достаточно тесно переплетенные между собой. Эта связь вытекает со всей очевидностью из взаимоисключаемости упомянутых значений: результативность выступает на фоне отсутствия длительности, длительность же, в свою очередь, проявляется там, где невозможна результативность [14, 103].

В современной аспектологической литературе можно встретить мнение, согласно которому результативность рассматривается либо как одно из проявлений СД, либо как особое явление в рамках СД. Так, согласно концепции А. В. Бондарко, лишь общерезультативное значение представляет собой собственно СД. Во всех же остальных случаях речь идет о семантической составляющей, способной сочетаться с более частными и специфическими составными частями, лежащими в основе множества других СД. Для отождествления результативности со значением СВ нет никаких оснований хотя бы потому, замечает ученый, что результативность не охватывает всю глагольную парадигму СВ. Больше того, проявление упомянутого аспектуального смысла возможно и в лексемах НСВ. При этом наблюдается следующая закономерность. Если в граммах СВ глагола результативность выступает как реальное достижение результата, то в граммах НСВ результативность выражает либо направленность на достижение результата, либо его достижение. Сравним: 1) *Догонял, но не догнал*, 2) *Обычно их сразу же догоняли более молодые* [15, 64-65].

Ряд исследователей в качестве категориальной смысловой доминанты,

лежащей в основе корреляции СВ/НСВ называют признак *предельности/непредельности* глагольного действия. Вслед за В.В. Виноградовым [16, 394], эта точка зрения укоренилась в работах Н.С. Авиловой, Е.А. Земской, А.Н. Тихонова и др. ученых. Однако дело в том, что предельность (как, впрочем, и результативность) не является универсальной семантической характеристикой, охватывающей все лексемы СВ. Доказательством сказанному служит существование большого класса глаголов, обозначающих изменения свойств или положения в пространстве и включающих в свою активность смысл «стать более каким-то»: *возрасти, замедлить (ся), заострить (ся), повысить (ся), понизить (ся), пожелтеть, покраснеть* и т.д. Нетрудно заметить, что все приведенные глагольные лексемы обозначают действие, которое может продолжаться. Так, если недопустимо сказать: *Он уже надел пальто и продолжает его надевать* (так как СВ предельной лексемы обозначает действие, которое не может продолжаться), то семантически правильным будет высказывание *Цены уже повысились и продолжают повышаться* [17, 9].

И, наконец, целая группа ученых, при этом, пожалуй, самая многочисленная, высказывается в пользу того, что видовое противопоставление СВ/НСВ строится прежде всего на основе оппозиции семантических признаков *целостность/нецелостность* глагольного действия. Смысловой доминантой видовой корреляции СВ/НСВ становится достижение/недостижение или же полное отсутствие внутреннего предела действия, что формирует в свою очередь значение *целостности* как неделимой совокупности начала, продолжения и конца действия (СВ) и значение *нецелостности* действия,

не предполагающее в своей семантике перечисленные признаки для его реализации (НСВ) [18, 215]. Мысль о том, что семантику СВ русского глагола как сильного члена видовой оппозиции СВ/НСВ следует связывать прежде всего с *целостностью* действия, высказывал еще Л.П. Размусен. По мнению исследователя, если СВ глагола представляет действие в его целостности, а не в процессе протекания, то НСВ не обладает признаком целостности действия и может выражать действие как протекающий процесс [19, 379]. Следовательно, граммема СВ исключает признак процессности действия. Не скажешь, например: «*Он все пробежал, поднялся*». В то же время граммема НСВ обычно выражает действие нецелостное. Что касается *результативности*, как и *предельности*, то в отличие от *целостности* действия как ведущего семантического признака глаголов СВ, упомянутые аспектуальные характеристики следует, скорее, рассматривать в качестве более частных проявлений СВ. Больше того, выражение результата действия являет собой лишь один из частных проявлений предельности. Всякий глагол, обладающий результативным значением или содержащий в своей семантике элемент результативности, является предельным. Но не всякий предельный глагол является результативным [20, 64]. Правда, случается и так, что граммема НСВ глагола приобретает неспециальное, имплицитное значение целостности действия, обусловленное требованиями конкретной дискурсивной стратегии.

Грамматическая категория вида в осетинском языке проявляется наиболее полно и интенсивно во взаимодействии с категориями времени и наклона. Видовая категория обнаруживается в пределах временной парадигмы

изъявительного склонения, способствуя формированию самых разных аспектуальных смыслов [21, 149-163]. Основным продуктивным средством видообразования в современной осетинской лингвосистеме признана перфективация: словоизменительная категория, преобразующая грамему НСВ в СВ. Глаголы СВ обычно характеризуются как лексемы, выражающие завершённое, достигшее своего предела действие. Глаголы НСВ выражают процесс, вне всяких ограничений в его течении [22, 236]. Однако обращает на себя внимание следующее. Упомянутые аспектуальные значения (*завершённость*, *предельность*, с одной стороны, и *процессность* действия, с другой) не могут рассматриваться в качестве соотносительных семантических признаков, которые возможно было бы подвергать анализу в качестве смысловой доминанты оппозитивных коррелятов СВ/НСВ осетинского глагола. Действие, выраженное граммемой СВ, рациональнее рассматривать прежде всего как *целостное*. Что касается *предельности* в равной степени как и *завершённости* действия, то приведенные аспектуальные характеристики выражают скорее более частные семантические проявления абстрагированного значения *целостности* действия. *Целостность/процессность* глагольного действия распадаются в условиях конкретной дискурсивной актуализации на целый ряд антагонистических семантических признаков таких как: *длительность/недлительность*, *законченность/незаконченность*, а также признак *отношения* действия к *результату*. Последние, в свою очередь, способны «распадаться» на более частные семантические смыслы. Обратимся к материалу:

Райзæрæй, узал думгæ æрбакодта, йеугай-дугай æстгълутæ скалдæнцаæ.

— *Настал вечер, холодный ветер подул, поодиночке выглянули звезды; Бацудæнцаæ Алимæрзай хæдзарæмæ æмæ уоми, гъæуй ма дæ, кафунтæ 'ма зарунтæ байдæдтонцаæ, цума киндзæ 'рхастонцаæ, уотæ. — Заехали в дом к Алимарзе и там вдоволь и танцевать, и песни петь стали, как будто свадьбу сыграли; Хуцау зонуй, цæй бæрцаæ фæциудæнцаæ... — Бог знает, сколько они проехали...* [23, 121; 124; 131].

Несложно заметить, что в первом высказывании форманты *-æрба-* и *с-* сообщают действию значение внезапности, мгновенности. Во втором приведенном примере приставка *ба-* в первом своем употреблении имеет значение СВ (*бацудæнцаæ*), уточняя при этом направленность действия извне внутрь, во второй ситуации (*байдæдтонцаæ*) способствует формированию начинательного СД. И, наконец, в третьем приведенном предложении префикс *фæ-* формирует аспектуальное значение завершённости длительного процесса. Как видим, все перечисленные видовые смыслы возникают как результат взаимодействия лексического значения глагольной лексемы в совокупности со значением ее грамматической формы, а, следовательно, их целесообразно рассматривать как частные проявления абстрагированного аспектуального значения *целостность/процессность* глагольного действия.

Перфективирующая функция осетинских превербов оказывается идентична функции русских приставок в их способности сообщать производным глаголам (кроме *фæ-*) значение однократного СВ только в прошедшем и в будущем временах. Что же касается настоящего времени, то ни в русской, ни в осетинской лингвокультурах превербы не придают морфологически отмеченным лексемам значения

перфективности действия [24, 511]. Чем же объяснить подобную близость между перфективирующим свойством превербов в осетинском и в русском языках? Не является ли это простым подгоном осетинского языкового материала под уже сложившуюся схему славянского вида? Такое положение вещей не должно удивлять исследователей, замечал по этому поводу В.И. Абаев. «Скифская группа иранских языков, к которой принадлежит осетинский, была от глубокой древности продвинута в Европу и много веков соседствовала с европейскими, особенно восточноевропейскими языками, в то время как остальные индоиранские языки уже давно переместились на восток и на юг и утратили всякий контакт с Европой» [25, 4]. Исторические данные позволяют утверждать, что «из языков европейского круга скифский больше всего соприкасался со славянскими языками. Их контакты начались, вероятно, со времени обособления славянской группы, т.е. со второй половины II тысячелетия до нашей эры и продолжались до гуннского нашествия, т.е. до IV в. н.э., стало быть, около пятнадцати веков. Такое длительное общение способствовало появлению не только лексических, но и грамматических изоглосс» [25, 53]. Заметим, что сегодня постулируется идея существования общеевропейского языкового стандарта («Standard Average European»), согласно которой в пределах европейского ареала можно обозначить значительную группу языков, объединенных общностью их структурной идентичности, когда «ареальная близость влияет не только на инвентарь грамматических значений, но и на принципы устройства грамматических систем...» [26, 144]

В.И. Абаев обращал самое пристальное внимание на тот факт, что

осетинские превербы, так же как и славянские, несут двойную нагрузку: грамматическую (видообразовательную) и словообразовательную (выражение локативных отношений). Хотя для иранской группы языков характерна только вторая функция. Получается, что в схеме образования СВ посредством превербов осетинская языковая культура стоит как бы особняком среди других иранских языков. Перфективирующая функция глагольных приставок приближает его к славянской языковой группе, в частности, к русскому. При этом следует заметить, что речь идет не о таких широко распространенных в индоевропейских языках превербах, как индоевропейское *pro-*, славянское *pro-*, иранское *fra-*, осетинское *ra-*; индоевропейское *peri-*, славянское *pre-* (русское *пере-*), иранское *pari-*, осетинское *fæl-*; индоевропейское *obhi-*, славянское *-ob*, иранское *-abi-*, осетинское *-æv* и другие: параллелизм в употреблении этих превербов не дает еще основания говорить о специфической славяно-скифской изоглоссе. Имеются в виду такие, например, форманты, как русские *воз-*, *вос-*, *вз-*, *вс-* и осетинские *-ыз*, *-ыс*. Так, например, если сопоставить русский приставочный глагол *вз-лезть* и осетинский *ысхизын*, то увидим, что обе лексемы выражают движение снизу вверх. В глаголах же *воз-мутить* и *ызмæнтын* совпадает не только основное значение *смешать*, *взболтать*, но и факультативное *вз-бунтовать* [27, 188].

Наряду с функциональной близостью между славянскими и осетинскими превербами возникла близость и материальная. В обеих лингвосистемах встречаются, в частности, превербы к которым принято прибегать преимущественно для выражения аспектуальных значений, так как локативная семан-

тика этих последних выражена слабо. Речь идет об осетинском *фæ*- и русском *по*-. Упомянутые форманты близки не только функционально, но и этимологически. Сравним: *работать* — *кусын*, *по-работать* — *фæ-кусын*; *играть* — *хъазын*, *по-играть* — *фæ-хъазын*; *звать* — *дзурын*, *по-звать* — *фæ-дзурын* [25, 58-59; 63-66]. Вспомним в этой связи, что еще В.Ф. Миллер, исследуя язык осетин, обратил внимание на функциональное сходство осетинской приставки *фæ*- и славянской *по*-. Однако объяснить это явление ученому не удалось [28, 139].

Превербный способ образования СВ в осетинском языке большинством лингвистов рассматривается как словоизменяемая категория, в которой члены видовой пары являются формами одного и того же слова. Между тем, существует концепция, согласно которой осетинские приставки совмещают деривационную функцию с формообразующей: т.е. с одной стороны, они способствуют образованию нового слова, с другой, — переводят граммы НСВ в СВ. Согласно приведенной теории, формантов, несущих только чисто грамматическую функцию и не образующих новую лексическую единицу, немного. Так, в глаголах *базонын* — *узнать*, *фенын* — *увидеть*, *ныффысын* — *написать* превербы имеют только грамматическое значение; глаголы же *ацаразын*, *бацаразын*, *ныццаразын*, *арфыссын*, *сфыссын* являются новыми словами [29, 133].

Существенную роль в оформлении аспектуального характера процесса в осетинской языковой культуре отводится частицам *-иу-* и *-цаей-*. Глагольные образования с такого рода аффиксами уточняют характер распределения действия на временной оси и в силу сказанного могут быть отнесены к про-

явлениям различных СД. А именно: инфикс *-иу-*, присоединяясь к приставочному глаголу, формирует, с регулярной частотностью, многоактный СД: *арбацциди...* — *иу*; глаголы же с частицей *-цаей-*, формируясь на фоне морфологически отмеченных глагольных лексем, и, нейтрализуя значение граммы СВ, способствуют образованию общерезультативного СД: *арбаццейцциди*. Правда, в некоторых случаях частица *-иу-* может выражать повелительное наклонение будущего времени. В таких эпизодах возникает риск неадекватного толкования текста. Однако этого не происходит, так как в подобных ситуациях определяющую значимость приобретает дискурсивная стратегия высказывания [30, 87].

Приведенный разбор языкового материала, а также суждений относительно смысловой доминанты глагольного вида во французском, русском и осетинском языках приводит нас к убеждению в том, что абстрагированное значение *целостности/процессности* глагольного действия выступает тем категориальным семантическим признаком, который позволяет соотносить содержательную сторону исследуемых лингвосистем в пределах обозначенной проблематики. Больше того, не следует забывать и о том факте, что именно семантический признак *целостности-процессности* глагольного действия послужил основой для выделения в глагольной системе славянских языков оппозитивных граммем СВ/НСВ глагола [31, 74]. Что касается всех других упомянутых аспектуальных смыслов, то их роль также представляется весьма существенной, однако эти последние являют собой лишь более частные проявления абстрагированной семантической корреляции «*целостность/процессность*» глагольного действия.

1. *Абаев В. И.* Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // Вопросы языкознания. М., 1965. № 3. С. 22-43.
2. *Косериу Э.* Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. Контрастивная лингвистика. М., 1989. Вып. XXV. С. 63-81.
3. *Rolland R. Colas Breugnon.* М., 1968.
4. *Пицкова Л. П.* Системное значение морфологической формы в аспекте синтагматики и парадигматики (на материале вида и перфектности французского языка). М., 2002.
5. *Васильева Н. М., Пицкова Л. П.* Le Français. Теоретическая грамматика: Морфология. Синтаксис. М., 1991.
6. *Тимберлейк А.* Динамика лексики, времени и дискурса (замечания по поводу анкеты по аспектологии) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1997. Т. 2. С. 195-205.
7. *Пицкова Л. П.* Грамматическая категория вида в современном французском языке. М., 1982.
8. *Daudet A.* Lettres de mon moulin. Paris: Bibliothèque-Charpentier, 1937.
9. *Доде А.* Письма с мельницы. Собр. соч.: в 7 т. М., 1965. Т. 1. С. 271-404.
10. *Калабекова Л. Т.* Способы глагольного действия в контрастивном освещении (на материале французского, русского, осетинского языков). Владикавказ, 2015.
11. *Шелякин М. А.* О спорных вопросах русской аспектологии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1997. Т. 1. С. 210-219.
12. *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
13. *Karcevski S.* Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.
14. *Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
15. *Бондарко А. В.* О видах русского глагола (Из проблематики соотношения значений вида и способов действия). Статья первая // Русский язык за рубежом. 1975. № 5 (37). С. 63-65.
16. *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1972.
17. *Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
18. *Шелякин М. А.* О спорных вопросах русской аспектологии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1997. Т. 1. С. 210-219.
19. *Размусен Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Т. 275. С. 376-417.
20. *Бондарко А. В.* О видах русского глагола. Статья вторая // Русский язык за рубежом. 1975. № 6 (38). С. 63-65.

21. Таказов Х. А. Категория глагола в современном осетинском языке: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1992.
22. Грамматика осетинского языка. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1963. Т. 1.
23. Исаев М. И. Дигорский диалект осетинского языка. М., 1966.
24. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь. Владикавказ, 2011. С. 435-559.
25. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
26. Плунгян В. А. Универсальный грамматический набор как инструмент грамматической типологии // Материалы междунар. конф., посвященной 50-летию Петербургской типологической школы. СПб., 2011. С. 142-145.
27. Осетинско-русский словарь/Сост. Бигулаев Б. Б., Гагкаев К. Е., Кулаев Н. Х., Туаева О. Н. Владикавказ, 2011. Изд. 3-е.
28. Миллер В. Язык осетин. М.; Л., 1962.
29. Габараев Н. Я. Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси, 1977.
30. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
31. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.